

Ворота дома были приоткрыты, на них не было изображений божеств, охраняющих вход, и свежих новогодних парных надписей. Полоска выцветшей красной бумаги едва держалась на стене, и слова «Богатство со всех сторон...» развевались на ветру, а что было написано ниже, уже нельзя было разобрать.

Гао Цюн первым вошёл внутрь. Чжан Сяо почувствовал, как сердце ёкнуло, и схватил его:

— Подожди! Мы просто так войдём?

— ...Тебе нужно принять ингибитор?

— Нет, просто в таком виде нас примут за иностранцев и выгонят, — Чжан Сяо указал на свою одежду, заодно успев потрогать руку Гао Цюна. — И твоя кожаная куртка — в те времена таких материалов не было.

— Они нас не увидят, — Гао Цюн высвободил руку и смахнул несуществующую пыль с рукава.

— Мы не можем взаимодействовать с чем-либо здесь, и они нас не видят.

Чжан Сяо снова почувствовал головокружение:

— Почему?

— Юань Ивэй тебе не объяснил?

— Юань Ивэй поручил это старшей сестре, а она попросила тебя научить меня. А ты мне что-то объяснял? — Недовольство Чжан Сяо временно перевесило его увлечённость, и в голосе его появилась нотка обиды.

Гао Цюн на мгновение замолчал, пропуская этот вопрос.

— Это как две жидкости разной плотности: даже если их поместить в один сосуд, они не смешаются сразу, — объяснил он Чжан Сяо. — Мы — пришельцы в этом временном отрезке, нарушители, те, кто не должен здесь находиться. Люди, живущие в этом времени, могут видеть только то, что существует в этом времени. Мы — нет, поэтому они нас не видят. По той же причине мы не можем взаимодействовать с чем-либо из других временных отрезков.

— Но... это всё кажется таким реальным, — Чжан Сяо указал на хурму, висевшую на ветке рядом. Сухой плод едва держался, готовый упасть в любой момент.

— Потому что всё здесь реально. Просто мы не можем войти в уже прошедшие временные отрезки, а только наблюдаем со стороны...

Не договорив, он увидел, как плод, не выдержав напора ветра, сорвался с ветки и упал на землю.

Чжан Сяо, оказавшийся рядом, инстинктивно протянул руку, чтобы поймать его.

Он поймал.

Чжан Сяо растерянно уставился на хурму.

Гао Цюн тоже резко замолчал.

Чжан Сяо с недоверием сжал в руке сухую хурму:

— Ты же сказал, что мы не можем ничего трогать...

Гао Цюн шагнул к нему, неуверенно протянув руку, чтобы прикоснуться к уродливому плоду.

Кожа была шершавой, влажной от дождя, словно уже покрылась плесенью.

Он тут же отдернул руку.

Чжан Сяо тоже растерялся. Ему стало страшно от того, как Гао Цюн сейчас на него смотрел.

Пока они стояли в замешательстве, кто-то открыл дверь из дома.

— Кто здесь? — Мужчина средних лет стоял на пороге, с подозрением глядя на двух странных незнакомцев во дворе.

Оу Цин был сыном евнуха и торговцем культурными ценностями. Подобных ему в переулке Цзисян было немало.

Его приёмный отец не был самым влиятельным, но лучше всех умел прятать вещи. Однако Оу Цин явно не унаследовал эту хитрость. Он открыто продавал свои сокровища, чем привлёк внимание других. Он отбирал чужой бизнес, и другие, в свою очередь, отбирали его сокровища. Оу Цин не раз попадал в ловушки, и его богатства постепенно распродавались за бесценок.

Он записывал все подробности в «Записках переулка Цзисян», надеясь однажды использовать их для своей выгоды.

Но этим планам не суждено было сбыться — он заболел.

Мужчина в доме был бледным и истощённым. Стояла переменчивая погода, но он был одет слишком легко, а его ноги, лишённые мышц, казались пустыми в широких штанах.

— Кто здесь? — снова хрипло спросил он.

Гао Цюн повернулся к Чжан Сяо.

Чжан Сяо напряжённо смотрел на него.

«Я новичок! Ты должен меня прикрыть», — беззвучно сказал он.

Гао Цюн, не меняя выражения лица, повернулся к Оу Цину:

— Мы пришли к тебе, Оу Цин.

Чжан Сяо ещё больше напрягся. Он не ожидал, что Гао Цюн будет так прямолинеен, думая, что тот сначала попытается обойти тему, а затем увести его, чтобы вернуться ночью.

Ведь его целью была рукопись, и ему не нужно было контактировать с Оу Цином. Судя по скудным знаниям Чжан Сяо, люди, возвращающиеся в прошлое, не должны взаимодействовать с людьми или предметами, чтобы не вызвать эффект бабочки и не изменить будущее. Разве Гао Цюн не боялся? — Этот вопрос мелькнул в его голове, и он вдруг понял причину: Оу Цин скоро умрёт, и даже если он поговорит с пришельцами, это не изменит ничего.

Оу Цин прищурился:

— Что вы сказали?

Гао Цюн и Чжан Сяо оба замерли.

Произношение Оу Цина немного отличалось от современного пекинского диалекта, но они всё же смогли его понять. Однако их слова Оу Цин, вероятно, не смог бы разобрать. Чжан Сяо вдруг вспомнил кое-что и дёрнул Гао Цюна за одежду:

— Он говорит на официальном языке эпохи Республики, который немного отличается от нашего. Об этом говорили на уроках языка.

— Я не посещал такие уроки.

Чжан Сяо удивлённо посмотрел на него.

— Поговори с ним, спроси, где рукопись.

Чжан Сяо хотел возразить, но Гао Цюн тут же прервал его:

— Это рабочая задача.

Оу Цин, стоя в доме, хотя и выглядел настороженно, но, видимо, понял, что эти двое не были обычными жителями Бэйпина.

— Вы иностранцы? — спросил он. — Выглядите как китайцы.

Раз уж объяснить было невозможно, Чжан Сяо просто согласился:

— Да, мы иностранцы.

Он уже забыл большую часть того, что изучал на уроках языка. Чжан Сяо мало интересовался гуманитарными предметами и редко внимательно слушал на занятиях. На экзаменах, как в теории, так и на практике, он едва набирал проходной балл. Он помнил, что на практическом экзамене нужно было отдавать команды своему ментальному телу на официальном языке эпохи Тан, например, «сидеть», «бежать», «вернуться». Чжан Сяо стоял в углу комнаты, наблюдая, как ментальные тела других студентов носятся по помещению, и спокойно принял своё последнее место.

Поэтому он мог только замедлить речь и произносить слова по отдельности.

Он стал ещё больше похож на иностранца... — подумал он. Но это сработало: Оу Цин понял.

— Что вам нужно? — Руки Оу Цина дрожали, но он достал из-за двери нож. — У меня уже ничего нет.

Чжан Сяо не знал, как реагировать, и снова посмотрел на Гао Цюна за помощью.

Гао Цюн спокойно, подражая Чжан Сяо, медленно произнёс:

— Мы пришли навестить тебя. Твой отец был нашим другом.

Он назвал имя приёмного отца Оу Цина. Видя, что тот всё ещё сомневается, Гао Цюн продолжил:

— Ты его сын, Оу Цин? Он рассказывал нам о тебе. Он нашёл тебя на мосту, ты держал в руках окровавленную куклу. Это был твой брат. Твоя мать родила его под мостом, но оба не выжили, остался только ты.

Оу Цин широко раскрыл глаза.

Эту историю он никогда никому не рассказывал, кроме себя и приёмного отца, и упомянул её только в своих «Записках переулка Цзисян».

Теперь он поверил Гао Цюну.

— Зачем вы пришли?

Гао Цюн без тени смущения продолжил врать:

— Он когда-то подарил нам нефритовый кубок, и сейчас кто-то хочет его купить. Мы не знаем, сколько он стоит, и пришли спросить его.

Взгляд Оу Цина изменился.

— Он давно умер, — сказал он. — Я могу помочь вам оценить.

Он отступил на два шага, освобождая путь, и пригласил Гао Цюна и Чжан Сяо войти в свой тёмный дом.

Гао Цюн взглядом дал понять Чжан Сяо: всё получилось.

Чжан Сяо не мог вымолвить ни слова, восхищение переполняло его.

После того как Оу Цин разбогател, он какое-то время жил в более роскошных домах. Переулок Цзисян всё же был местом обитания евнухов, и это не было чем-то, чем можно было гордиться. Он купил несколько домов в Бэйпине, но постепенно их забрали.

Только его старый дом в переулке Цзисян, который он презирал, всё ещё стоял на своём месте.

Когда они вошли, Оу Цин сразу закрыл дверь. Он сторбился, сильно закашлявшись, а затем поднял голову, и его выпученные глаза ярко блеснули:

— Где нефритовый кубок?

Чжан Сяо снова посмотрел на Гао Цюна.

<http://bllate.org/book/16847/1550070>